Стровский Дмитрий Леонидович, профессор, доктор политических наук, научный сотрудник Ариэльского университета, профессор Екатеринбургской Академии современного искусства, Ариэль, Израиль; e-mail: dmitryst@ariel.ac.il

Антошин Алексей Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; e-mail: alex_antoshin@mail.ru

«ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМА» В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЕ 1970-х гг.: НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ

Опыт русскоязычных СМИ, выходящих за пределами России, во все времена привлекал внимание исследователей. Однако освещение в этих СМИ «еврейской темы» остается практически неизученным. Авторы статьи стараются восполнить этот пробел, обратившись к деятельности русскоязычной журнальной периодики 1970-х гг., когда тема получила активное развитие в связи с усилившимися процессами эмиграции и репатриации из СССР. Исследуя содержание публикаций таких изданий, как «Новый журнал», «Посев» и «Континент», авторы анализируют духовное состояние эмигрантской волны того времени.

Ключевые слова: *русскоязычное зарубежье, русскоязычная пресса, журнальная периодика, эмиграция, репатриация, «еврейский вопрос».*

Dmitry L. Strovsky, Doctor of Political Sciences, Professor, Media Researcher at Ariel University, Professor at Ekaterinburg Academy of Contemporary Art, Ariel, Israel; e-mail: dmitryst@ariel.ac.il

Alexei V. Antoshin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor at the Chair of Asian Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia; e-mail: alex_antoshin@mail.ru

THE JEWISH TOPIC IN THE FOREIGN RUSSIAN-LANGUAGE PRESS OF THE 1970s: A CASE STUDY OF JOURNAL PERIODICALS

The Russian-language media published beyond Russia have always paid attention to the diversity of existing life. There are many research works dealing with their operation. However, the focus of these media on the 'Jewish topic', fairly significant in their content, remains virtually unstudied. The authors of this article bridge this gap to some extent by analyzing the activities of the Russian-language periodicals of the 1970s, when the above topic gained momentum due to an increase

in emigration and repatriation from the USSR. Examining the content of such journals as "Noviy Zhurnal", "Posev" and "Kontinent", involved in the coverage of the 'Jewish topic', the authors have a chance to evaluate the spiritual state of the emigrant wave at that time.

Key words: *Russia abroad, Russian-language press, journal periodicals, emigration, repatriation, 'Jewish issue'.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2018.137171

Введение

Русскоязычные СМИ за рубежом — тема, достаточно исследованная в российской и зарубежной историографии. Вместе с тем при изучении многих аспектов их деятельности обнаруживается большое число «белых пятен». Это объясняется не только огромным массивом материала, накопленного за почти двухсотлетнюю историю этих СМИ, но и их разнообразной типологией, а также содержательными особенностями, присущими им.

Существенное расширение числа и многообразия этих СМИ обозначилось на ряде этапов: в первые годы советской власти, когда за пределами России оказалось от двух до трех миллионов человек[1]; после Второй мировой войны, когда многие бывшие военнопленные отказались возвращаться на родину; в 1970-е гг., когда десятки тысяч советских евреев репатриировались в Израиль или эмигрировали в США, и, наконец, с начала 1990-х годов, когда отъезд из России стал формально разрешенным и сотни тысяч российских граждан устремились за границу в поисках лучшей жизни.

На каждом из этих этапов заграничные русскоязычные СМИ имели свою специфику. Она определялась, в первую очередь, фактором аудитории, поскольку основные эмигрантские группы, сложившиеся на том или ином историческом этапе, существенно отличались друг от друга. В 1970-е – первой половине 1980-х гг. эмигранты оказались весьма однородной по национальным, социальным и образовательным признакам группой[2]. Если первая волна (послереволюционная) и вторая волна (послевоенная) были обусловлены, прежде всего, политическими мотивами, то третья волна эмиграции определялась иным. Речь шла «о стремлении противостоять строгой регламентации во всех областях жизни, усиленно насаждавшейся в Советской стране, стремлении обрести свободу» (Зубарева, 2000: 11–12).

У эмигрантов разных поколений возникали совершенно несхожие представления о будущем их родины и путях личной реализации[3]. Отсюда и заметные проявления идейного размежевания между представителями различных эмигрантских волн[4] (Николюкин, 1994; Хрусталева, 1996; Демидова, 2003; Берелович, 2005: 66–67). Это определялось разными причинами, приведшими людей в эмиграцию.

В отличие от представителей первых двух волн многие участники третьей волны находились «в отказе» и по самым разным причинам не имели возможности уехать из СССР. Подчас этот процесс затягивался на многие годы. До отъезда «отказники» ощущали на себе давление политической цензуры, что кристаллизовало в них неприятие всего советского. Этот фактор обусловил общие содержательные особенности русскоязычных СМИ за рубежом того периода.

Таким образом, нельзя не согласиться с рядом исследователей, считающих, что термин «русское зарубежье» наиболее применим к эмигрантам первых лет советской власти, которым была присуща общность духовных настроений. В последующие десятилетия эмиграция стала более разнообразна (Базанов, 2005; Попова, 2010). Поэтому многие издания, основанные выходцами из СССР в семидесятые годы, правильно отнести не к русской, а к русскоязычной зарубежной периодике.

Следует принять во внимание, что советские люди, покидавшие страну в 1970-е гг., были в большинстве своем евреями или членами их семей. Именно это определяет лицо третьей волны эмиграции. Если в 1970 г. по израильским визам из СССР выехала тысяча человек, то в 1971 году — уже около 13 тысяч, в 1972 — более 31 тысячи, а в 1973 — свыше 34 тысяч человек. После этого число разрешений на выезд снизилось, но в 1979 г. был отмечен пик еврейской эмиграции – более 51 тысячи чел. Затем на этот процесс вновь были наложены жесткие ограничения. В результате за 1982–1986 гг. СССР покинуло менее 7 тысяч евреев и членов их семей[5]. В последующие два года этот процесс и вовсе пошел на спад.

В отличие от первых двух волн эмиграции (в 1920-е гг. и после Второй мировой войны), третья возникла без видимых катаклизмов. Ее развитие было предопределено не ужесточением режима, а международной обстановкой: США требовали от Советского Союза соблюдения прав человека в обмен на заключение договоров в

военной и торговой сферах. Такая постановка вопроса позволила более чем ста тысячам людей реализовать свою идею — эмигрировать из Советского Союза. Основной причиной их отъезда стало стремление избавить себя и родных от постоянных проявлений антисемитизма[6].

С фактором новой волны эмиграции связано и возрастание в 1970-х гг. общего числа русскоязычных зарубежных СМИ, расширение их типологического и содержательного многообразия. Образовательный уровень эмигрантов и репатриантов позволял им вести дискуссии по самым разным вопросам. Эти дискуссии с регулярностью выносились на страницы русскоязычных печатных СМИ. Они и стали «визитной карточкой» журнальной периодики, ставшей в это десятилетие особым духовным явлением среди русскоязычных СМИ. Беремся утверждать, что никогда прежде аналитический уровень этих изданий не достигал такой высоты, как в те годы.

Можно было предположить, что полемический запал будет реализован в эмигрантских СМИ конца 1980-х гг. и позже, когда под воздействием новой политической реальности был окончательно снят «железный занавес» и за рубеж устремились сотни тысяч наших соотечественников. А среди них было немало представителей интеллектуальной элиты. Однако ничего этого не произошло. В 1990-е гг. русскоязычная зарубежная пресса начала «мельчать». Новому поколению русскоязычных эмигрантов и репатриантов стали неинтересны духовные искания их предшественников. На этом фоне стали постепенно закрываться невостребованные серьезные общественно-политические и литературнохудожественные журналы. Их место занимала развлекательная периодика.

Почему же начал сходить на нет достигнутый русскоязычными изданиями 1970-х – начала 1980-х гг. содержательный и интеллектуальный уровень? Сложившаяся ситуация объясняется, во-первых, снижением образованности аудитории и отупляющим воздействием Интернета. Во-вторых, новое поколение русскоязычной аудитории говорит и читает на языке стран проживания, утрачивает русский язык. Эта проблема, ставшая заметной уже в середине 1990-х гг., сегодня лишь усугубилась.

Высокий образовательный уровень многих эмигрантов 1970-х гг. привел к тому, что тогдашняя общественно-политическая и литературно-художественная периодика активно демонстрировала

проблемно-аналитическое восприятие действительности. Это существенно повлияло на духовные запросы эмигрантской аудитории. Данный фактор и стал ключевым при выборе темы данной статьи и материала, взятого для исследования и связанного с отражением «еврейского вопроса».

«Еврейская тема» в русскоязычных эмигрантских СМИ: к историографии вопроса

Если появление и развитие русскоязычных СМИ первых волн эмиграции изучено более или менее обстоятельно (Харина, 1999; Жирков, 2009; Жулькова, 2001; Раев, 2003: 205–219; Суомела, 2004; Исаев, 2005; Лебедева, 2007; Rimscha, 1924; Hardeman, 1994 и др.), то период 1970-х гг. отражен в исследовательской литературе скромнее. За последние годы появился, правда, целый ряд исследований, затрагивающих развитие СМИ в 1960–1980-е гг. (Glad, 1999; Овсепян, 2000; Волковский, 2006; Денисенко, 2010; Скарлыгина, 2004: 89–98; 2008: 121–129; 2010). Но и эти исследования не дают целостной картины происходящего, с учетом развития социально-политической обстановки в Советском Союзе и за рубежом.

Мы также не претендуем на то, чтобы осветить все аспекты истории русскоязычной периодики этого периода. Наша задача состоит в том, чтобы проанализировать освещение «еврейской темы» в нееврейских русскоязычных журнальных изданиях.

Многие российские и зарубежные историки занимались изучением духовных и политических установок эмигрантов третьей волны (Zaslavsky & Brym, 1983; Salitan, 1992; Морозов, 2007; Фридгут, 2007; Костырченко, 2008). В числе работ, на которые мы опирались, стоит, кроме того, назвать монографию, вышедшую на английском языке под редакцией З. Гительмана, М. Гланца и М. Гольдмана (2003), посвященную различным аспектам жизни евреев в эмиграции. Определенную роль в формировании авторских представлений о еврейской репатриации (т. е. о тех, кто уезжал на свою историческую родину — в Израиль) сыграла монография «"Русское" лицо Израиля»: черты социального портрета» (2007). Формированию политических взглядов русскоязычных репатриантов посвящена статья В. В. Энгеля (2007: 172–198). Развитию представлений о политическом и творческом «лице» третьей волны эмиграции помогли воспоминания Р. Б. Гуля[7], В. Е. Максимова[8] и С. Д. Довлатова[9].

Эмпирическая основа исследования

В качестве эмпирического материала были взяты хорошо известные журналы: «Новый журнал» (США), «Посев» (ФРГ) и «Континент» (Франция), без которых невозможно представить развитие эмигрантской мысли в 1970-е гг. Они олицетворяли собой традиции, присущие российскому интеллектуальному сознанию: неравнодушие к обсуждаемым вопросам, критичность восприятия окружающего мира, сопоставление «за» и «против» в оценках жизни. Важно подчеркнуть, что именно эти журналы помогают осознать политический и нравственный выбор тогдашней русскоязычной эмиграции, несмотря на все многообразие ее взглядов. Без исследования их содержания невозможно представить общий уровень русскоязычных зарубежных СМИ того времени.

Коротко остановимся на эволюции и содержательных особенностях каждого из отмеченных изданий, чтобы представить, с каким морально-этическим багажом они подошли к осмыслению «еврейской темы».

Наиболее ярким образцом может считаться нью-йоркский «Новый журнал», который начиная с 1950-х гг. постепенно обретает черты общественно-политического издания. Роман Гуль, главный редактор издания в 1959–1986 гг., снискал признание не только как писатель, но и как мемуарист и литературный критик. Ему удалось сделать «Новый журнал» одним из наиболее читаемых русскоязычных изданий зарубежья. Здесь увидели свет главы из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго», стихи Н. Гумилева, А. Ахматовой и других поэтов Серебряного века, творчество писателей и философов русской эмиграции, а также огромное число очерков о культуре русского зарубежья, написанных Н. Берберовой, В. Вейдле, Г. Ивановым и другими литераторами-эмигрантами.

Многообразие содержания обеспечило внимание к журналу и со стороны советского читателя, стремившегося получить к нему доступ, несмотря на все препоны.

Вот что писал по этому поводу Р. Б. Гуль: «Приехавший в Англию советский прозаик Парфенов получил от кого-то в Лондоне *“*Новый журнал*”* — весь тогдашний комплект — и, как нам передали, запершись в комнате гостиницы, читал день и ночь... Потом один видный деятель советской культуры, встретившись в Европе со своим приятелем, известным американским профессором, за завтраком в разговоре о советских “толстых” журналах, вдруг ска-

зал своему американскому коллеге: «Но больше всего я люблю нью-йоркский “Новый журнал”. Американец так и ахнул»[10].

В отличие от многих эмигрантских литературных журналов и альманахов, акцентировавших внимание на произведениях прозы и поэзии, «Новый журнал» во все периоды своего существования проявлял интерес и к социально-политической тематике – к различным аспектам советской жизни.

При оценке действий СССР «Новый журнал» подчеркивал их принципиальное отличие от политики Российской империи, которая, несмотря на свои изъяны (что всякий раз оговаривалось журналом), основывалась на уважительном отношении к людям. В статье М. М. Карповича «Русский империализм или коммунистическая агрессия?» проводилась мысль о стремлении советского режима – дабы обеспечить собственную безопасность – подавить «самые элементарные свободы»[11]. Другой автор «Нового журнала», Н. Градобоев, пришел к выводу, что законодательная власть в СССР давно уже превратилась в бюрократический аппарат: «Верховный Совет СССР не прикрывает диктатуру, он представляет ее в том виде, в каком она действительно существует»[12].

Закрытый доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях», получивший активное распространение на Западе, не поменял отношения «Нового журнала» к происходящему в СССР. Издание видело общность сталинских и хрущевских методов работы. «Советское общественное мнение можно признать общественным мнением только в той мере, в какой советскую “демократию” — демократией или советский “гуманизм” — гуманизмом», — писал незадолго до XX съезда КПСС публицист журнала М. Вишняк. Он же отмечал после съезда, что диктатура не сдается, а тех, кто ее собирается свергнуть, тоже «пока не видать»[13].

Именно по этой причине, отмечал тогдашний главный редактор «Нового журнала» Р. Б. Гуль, «издание свободного русского журнала за рубежом действительно нужно людям»[14]. Через много лет Р. Б. Гуль уточнял: «Мы исповедуем принцип самой широкой терпимости ко всякому инакомыслию — политическому, мировоззренческому, к разным литературным направлениям, вкусам, школам, даже модам»[15].

В свою очередь, журнал «Посев» (Франкфурт-на-Майне) как печатный орган Народно-трудового Союза (НТС), зародившегося в

Европе еще до Второй мировой войны, заявлял, что строит свою деятельность на идеях «права, свободы и справедливости». Это свидетельствовало о схожести мировоззренческих принципов его и «Нового журнала». Данная задача определила поддержку «Посевом» российского освободительного движения «во всех его проявлениях» (Посев. 1980, № 4: 3). Необходимо принимать во внимание, что НТС был основан в 1930-е гг. как национал-патриотическая эмигрантская организация. Несмотря на определенную идейную эволюцию после Второй мировой войны, он сохранял приверженность имперской модели Великой России[16]. Одновременно лидеры НТС и редакция журнала считали себя преемниками традиций русского зарубежья 1920–1930-х гг.

Содержание «Посева» всегда было антикоммунистическим. Уже в 1950-х гг. в журнале появились очерки о ГУЛАГе, предварившие художественные произведения А. И. Солженицына и В. Т. Шаламова, заметки и корреспонденции о нарушении прав человека в Советском Союзе. Позже, в 1960-е гг., на страницах журнала увидели свет статьи о судебных процессах 1930-х гг., главными обвиняемыми на которых были видные военачальники – Я. Гамарник, В. Блюхер, М. Тухачевский. Тогда же вышли репортажи о деле А. Синявского и Ю. Даниэля, чьи повести и сатирические рассказы были опубликованы на Западе.

Тематика «Посева» выходила за пределы обсуждения чисто политических вопросов, что обеспечило его популярность у различных читательских групп. Вместе с тем аудитория издания оставалась все-таки ограниченной, и его финансовое положение оставляло желать лучшего. По этой причине во второй половине 1960-х гг. журнал стал выходить лишь раз в месяц. Тем не менее его содержательная линия оставалась неизменной: в 1970-е – начале 1980-х гг. здесь регулярно появлялись публикации чисто политической направленности, с упоминанием фактов неповиновения государственным структурам в СССР. Редакция, кроме того, продолжала перепечатку самиздатовских материалов, публиковала биографии известных диссидентов.

Во главе «Посева» в 1970-е гг. стояли видные деятели НТС Е. Р. Романов (Островский), Л. А. Рар и Я. А. Трушнович, поддерживавшие «все формы антикоммунизма». «Утилитарные агитационно-пропагандистские задачи <...> повлияли на характер материалов <...> Они давались в очень доступной форме, понятной для любой читательской аудитории» (Базанов, 2008: 326).

Третьим наиболее заметным эмигрантским журналом того времени стал «Континент», начавший выходить в Париже в 1974 г. под руководством известного писателя В. Е. Максимова. В отличие от двух других журналов, это издание появилось благодаря усилиям эмигрантов третьей волны.

В. Е. Максимову удалось собрать вокруг своего журнала влиятельный редакционный совет: писатели Сол Беллоу и Артур Кестлер, историк Роберт Конквист, югославский оппозиционер Милослав Джилас, физик Андрей Сахаров, выдворенные из СССР писатели Виктор Некрасов и Александр Галич. Уже это определило содержательную уникальность «Континента», который по уровню оппозиционности советскому строю был схож с «Новым журналом» и «Посевом». Вместе с тем в оценках политической действительности 1970-х гг. «Континент» выглядел, на наш взгляд, более убедительным по сравнению с двумя другими журналами, что объяснялось его меньшей оторванностью от советских реалий.

Как отмечалось в программной редакционной статье, помещенной в первом номере «Континента», журнал являлся антиподом всему происходящему за «железным занавесом». Литературный «Континент» символизировал собой единение всех гуманистических сил в борьбе за свободу и достоинство человека. Важнейшую для себя задачу редакция журнала видела в единении творческих сил «духовной оппозиции» — в Советском Союзе и за его пределами.

С этой целью редакция привлекла к сотрудничеству оппозиционно настроенных представителей интеллектуальной элиты из соцлагеря. Среди авторов были чешские интеллектуалы-диссиденты Л. Пахман и В. Гавел, кубинский историк М. Салес, румынский драматург И. Ионеско и многие другие. Однако предпочтение отдавалось авторам из СССР. На страницах журнала увидели свет эссе А. Солженицына и А. Синявского, статьи А. Сахарова, В. Чалидзе и др. Не менее важным для редакции «Континента» стало продвижение качественных литературных произведений. Здесь впервые появилась проза Ф. Искандера и В. Войновича, стихи И. Бродского, Н. Коржавина, В. Делоне и др.

«Континент» отличался от ряда русскоязычных литературно-художественных журналов 1970-х гг., отстаивавших левые взгляды. На протяжении нескольких лет В. Максимов и его единомышленники – В. Некрасов, Н. Коржавин, В. Буковский – активно полемизировали, например, с А. Синявским – редактором журнала «Синтаксис». Речь шла о миссии советской интеллигенции, ока-

завшейся на Западе. И если А. Синявский полагал, что настоящий интеллектуал не должен быть «конформистом, подстраивающимся под обстоятельства», то В. Максимов как редактор «Континента» призывал не создавать «абсолютизации», нагромождающей «новые монбланы лжи»». Его серьезно беспокоило противостояние «плохих» и «хороших» идей, спрямляющих восприятие жизни (Скарлыгина, 2008: 129).

Несмотря на содержательные отличия, все три упомянутых журнала были едины в неприятии тогдашней советской политической системы и видели свою миссию в том, чтобы освещать по-настоящему сложные и противоречивые вопросы дня. «Еврейская тема» воспринималась этими журналами как злободневная и органично связанная с прошлым и настоящим России. В 1970-е гг. ее присутствие стало заметным на страницах журналов.

«Еврейская тема» — очень многогранное понятие. Мы проанализируем лишь те ее аспекты, которые получили развитие на страницах «Нового журнала», «Посева» и «Континента». Нами было изучено 47 статей проблемно-аналитического характера, увидевших свет на страницах журналов (не считая коротких заметок, содержащих хроникальные факты на «еврейскую тему» и появлявшихся, в частности, на страницах «Посева»). Это предопределило достоверность результатов исследования.

Эмигрантская периодика о судьбе российского еврейства в XX веке

Общим для всех трех изданий является неприятие антисемитских настроений, воспринимаемых как проявления радикализма и экстремизма. Радикализм, присущий многим зарубежным русскоязычным СМИ в первые десятилетия советской власти, после Второй мировой войны постепенно ослабел. Большинство эмигрантских публицистов 1960–1970-х гг. сходились во мнении, что изменение общественно-политического строя в Советском Союзе не может произойти завтра. Поэтому свою основную задачу они видели не столько в безудержной критике общественно-политической системы СССР, сколько в стремлении основательно разобраться в проблемных аспектах жизни советского общества.

Одной из таких масштабных тем стала история еврейского народа в СССР. Заметной на общем фоне стала статья И. Войтовецкого «Забудем старые счеты!», опубликованная в 1976 г. на страни-

цах «Посева». После репатриации в Израиль автору доводилось слышать от бывших соотечественников, что еврейскому национальному движению «незачем связываться с русскими демократами», поскольку новая жизнь не изменила привычной морали отношений между двумя народами: «Дескать, если русские демократы придут к власти, они станут бить евреев точно так же, как любые другие режимы». Сам И. Войтовецкий решительно выступал против этой точки зрения, считая, что она порождает «пережитки прошлого»[17].

Примечательно, что в том же номере «Посева» была опубликована статья русского по национальности публициста А. Найденовича, озаглавленная «Отбросим национальное высокомерие». Отмечая, что во время прошедшей в Нью-Йорке демонстрации в поддержку советских политзаключенных евреи отказывались нести портрет представителя национал-патриотического крыла советских инакомыслящих В. Н. Осипова[18], А. Найденович с неприкрытой болью восклицал: «Евреи, русские, демократы, националисты, прибалты, украинцы – призываю вас к глубокому осознанию вреда междоусобиц... Кому это надо?!»[19].

Как и И. Войтовецкий, А. Найденович полагал, что еврейской интеллигенции следует забыть прежние обиды. «Да, православная монархическая Русь была виновата в исторической узости подавления еврейского достоинства и самосознания (черты оседлости, всяческие ограничения). Но разве евреи не отмстили ей за это?» — задавался он вопросом. По мнению А. Найденовича, при формировании своей позиции эмигранту необходимо ориентироваться на тех русских и евреев, которые уже стали соратниками по борьбе: «Да будет нам примером добрая дружба между В. Осиповым и М. Агурским, А. Солженицыным и А. Гинзбургом, между священником Г. Якуниным и Л. Регельсоном. И мое русское православное сердце неизбывно хранит верность моим еврейским друзьям, которых люблю и ценю»[20].

Трудно однозначно утверждать, в какой мере сами И. Войтовецкий и А. Найденович верили в осуществимость этой идеи. Оба представителя эмиграции не могли не видеть, что призывы подобного рода не приводят к желаемому результату. Вместе с тем последнее замечание А. Найденовича обращает на себя внимание. Многие русские эмигранты-журналисты действительно были связаны теплыми дружескими отношениями с представителями еврейской интеллигенции, ставшими репатриантами в Израиле. Так,

Р. Б. Гуль, главный редактор «Нового журнала», в течение полувека был дружен с Ю. Б. Марголиным, известным литератором, жившим на Земле обетованной с конца 1940-х гг. Побывав у Ю. Б. Марголина в гостях, он заметил: «Сколько у меня ни было встреч с евреями в Израиле, но, когда узнавали, что я русский, они всегда приходили в какое-то чрезвычайно приподнятое настроение»[21].

Консолидирующей основой сближения русских и евреев традиционно была их принадлежность к единому культурному коду, определяемому общим образованием, этикой взаимоотношений, что формировалось в российском обществе еще до большевистской революции. Этот код стал определяющим и во взаимоотношениях Р. Б. Гуля и Ю. Б. Марголина. Позиция Р. Б. Гуля определила и гуманистическое отношение к евреям на страницах «Нового журнала».

В свою очередь, «Континент», наряду с эмигрантскими авторами, публиковал и советских инакомыслящих, которым удавалось переправить свои рукописи на Запад. Некоторые из них поднимали и «еврейскую тему». Среди них был, например, Н. Н. Мейман — доктор физико-математических наук, член Московской Хельсинкской группы, ставший «отказником» после подачи документов на выезд в Израиль. Он, в частности, обвинял руководство СССР в замалчивании факта расстрела евреев у Бабьего Яра, отмечая, что на установленном в 1976 г. монументе сделана надпись об уничтожении «граждан города Киева и военнопленных»[22]. Тем самым, по мнению Н. Н. Меймана, искажалась историческая память об одном из наиболее трагических событий в истории еврейского народа.

Острая полемика по «еврейскому вопросу» развернулась на страницах «Континента» практически с момента появления журнала. Ее начал 81-летний С. М. Рафальский — бывший член кадетской партии и некогда деятель антибольшевистского «Союза защиты Родины и свободы», созданного Б. Савинковым в начале 1920-х гг. Поэт и сотрудник русскоязычных эмигрантских газет и журналов, он выступил с жесткой критикой в адрес еврейской интеллигенции, проживавшей в СССР. Эти люди, по словам С. М. Рафальского, «родились и выросли в Советском Союзе, почти все окончили его высшие учебные заведения, почти все занимали хорошие (хотя, может быть, и не столь ответственные, как их отцы) места». Но при этом они то и дело «кляли» «великорусский национализм», «шовинизм» и «империализм», якобы повинные в многочисленных бедах, пережитых российскими евреями и поме-

шавших им в духовном развитии. С. М. Рафальский бросал камень в адрес евреев: «О чем же думали их отцы и деды, которые совершили, мощно поддержали и укрепили октябрьскую революцию, утвердили новую власть и стали ее элитой, ее правящим слоем?». По мнению С. М. Рафальского, на еврейской интеллигенции также лежала вина за то, что в Советском Союзе дошли до «зоологического антисемитизма»[23].

Примечательно, что статья С. М. Рафальского появилась в «Континенте» вкупе с редакционным примечанием, где высказывалось несогласие с рядом суждений автора. Это подтверждало наличие собственной идейно-политической позиции редакции. Кроме того, «Континент» под руководством В. Е. Максимова видел себя в качестве дискуссионной площадки, дающей возможность высказываться сторонникам разных идейно-политических воззрений. Все это существенно отличало этот журнал от многих других эмигрантских изданий того времени, не говоря уже об их аналогах в Советском Союзе.

Суждения С. М. Рафальского, возлагавшего ответственность за антисемитизм в СССР на евреев, тоже вызвали взрыв негодования у некоторых авторов «Континента». Среди них, в частности, были евреи, ставшие репатриантами. Они считали важным опровергнуть тезис об ответственности еврейского народа за большевистскую революцию. Их основной довод звучал так: активность евреев в революции определялась не национальными интересами, а, в первую очередь, «интернациональностью мышления». Не случайно видные революционеры и функционеры первого советского правительства, по существу, порвали со своей национальной принадлежностью[24]. В этом плане показательной выглядела статья Б. М. Шарира (Шрайбмана) – бывшего завлаба одного из ленинградских НИИ, а после репатриации — сотрудника Университета имени Бен-Гуриона (в г. Беэр-Шеве). Он подчеркивал, что еврейские коммунисты участвовали в событиях революции и Гражданской войны в России «не в качестве евреев, а как интернационалисты»[25].

Среди тех, кто критически отнесся к позиции С. М. Рафальского, были не только евреи. Например, В. А. Михальчук (представитель украинской эмиграции) воспринял статью С. М. Рафальского как «черносотенную смуту». Он замечал, что именно в Советском Союзе преследования евреев достигли «небывалого размаха». Отвергая сделанные С. М. Рафальским обвинения в адрес евреев, кри-

тикующих внутреннюю и внешнюю политику советского руководства, этот представитель украинской эмиграции писал: «Запрещать им любить землю их предков, думать о недостатках и несчастьях этой земли и анализировать ее общественное положение мне кажется не только недемократическим, но просто нечеловеческим»[26].

Начатая С. М. Рафальским дискуссия в конечном итоге вышла далеко за рамки той проблемы, которую он поднял. Освещение исторической судьбы российского еврейства инициировало на страницах «Континента» обсуждение вопроса об антисемитских акциях националистов «новой волны» в различных республиках СССР. Демократически ориентированная редакционная политика «Континента» привела к тому, что первыми о недопустимости антисемитизма начали говорить даже не евреи, а представители тех народов, которые были повинны в его распространении в советское время.

Среди них был, например, Антанас Терляцкас — выпускник экономического факультета Вильнюсского университета, подвергавшийся в СССР преследованиям за свою политическую деятельность. За неимением иных возможностей зарабатывать на жизнь, он был подсобным рабочим на литовской киностудии.

А. Терляцкас выступил против позиции литовской эмигрантской прессы, замалчивавшей участие литовцев в уничтожении евреев в годы Второй мировой войны. А. Терляцкас полемизировал и с распространенным в национальной эмигрантской прессе недовольством в отношении евреев, встречавших Красную Армию в Литве в 1940 г. цветами. Не оправдывая эти факты, он пытался объяснить причины случившегося. «Почему они [евреи] не думали о нашем народе?» — задавался вопросом А. Терляцкас, и сам же отвечал на него: «Когда в июне 1941 г. восторженно встречали немецкую армию, много ли *мы* думали о евреях? Жалуемся, что мир не может понять, почему оккупантов встречали цветами. Почему мы не понимаем евреев, которые имели аналогичные, если не более веские, причины радоваться приходу Красной Армии?»[27].

А. И. Солженицын и «еврейский вопрос»

Анализируемые журналы не могли пройти мимо такой видной фигуры русскоязычной эмиграции, как А. И. Солженицын.

Лауреат Нобелевской премии по литературе (1970) А. И. Солженицын, как известно, в 1974 г. был изгнан из СССР с формули-

ровкой «за измену Родине». В последующие два года он совершил несколько поездок по странам Европы, в ходе которых встречался с политиками и общественностью. Лишь в 1976 г. он наконец осел недалеко от американского городка Кавендиш, став на долгие годы, по его собственному признанию, «вермонтским затворником», практически прекратившим общение с журналистами и общественностью, но регулярно публиковавшим свои произведения в эмигрантском издательстве ИМКА-пресс (*YMCA-Press*).

Публицистика А. И. Солженицына, значимое место в которой было посвящено оценке прошлого и настоящего России, встречала очень разные оценки представителей тогдашней эмиграции — от безоговорочного принятия до практически полного отрицания. Точно так же воспринималась критическая позиция писателя по отношению к эмиграции третьей волны (тем, кто, подобно ему, покинул СССР в 1970-е гг.), выраженная в мемуарах «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов», а также в его многочисленных эссе и статьях. К числу последних можно отнести нашумевшую в свое время статью «Наши плюралисты» (1982), в которой А. Солженицын рисует нелицеприятный собирательный портрет представителей третьей волны эмиграции, которые вначале обслуживали советский режим, а потом, оказавшись на Западе, начали ругать не только его, но и нравственные установки общества[28]. Эти воззрения писателя вызвали недовольство в либеральной эмигрантской среде.

Несмотря на это, главный редактор «Нового журнала» Р. Б. Гуль с большим пиететом относился к автору «Архипелага ГУЛАГ», раскрывшему сущность советской политической системы. Он писал, что жизнь А. И. Солженицына, отмеченная «героической и титанической попыткой борьбы с шайкой путем раскрытия всех ее преступлений против человека», перекрывает все недостатки его позиции[29]. Р. Б. Гуль выражал поддержку писателю и в отношении его взглядов на роль и место евреев в России. Позиция А. И. Солженицына начала формироваться задолго до появления его монументального исследования «Двести лет вместе», посвященного «еврейской теме» и изданного уже в начале 2000-х гг.

Высказывания А. И. Солженицына по поводу судьбы российского еврейства, озвученные в романах «Архипелаг ГУЛАГ», «Раковый корпус» и других, вызывали неоднозначную реакцию в русскоязычной среде за рубежом[30]. Однако «Новый журнал» не поддержал активно звучавших тогда обвинений русского писателя

в шовинизме и антисемитизме. На страницах журнала выступил, в частности, Р. Рутман — один из составителей самиздатовской «Белой книги Исхода», который после репатриации в Израиль работал в Тель-Авивском университете. В своей статье «Кольцо обид (еврейский вопрос и А. Солженицын)» Р. Рутман писал о том, что А. И. Солженицын был во многом прав в оценке «еврейского вопроса», не соглашаясь с утверждениями, что «русское общество в долгу перед еврейским народом». Р. Рутман полагал, что один народ не может нести ответственность за другой народ; это бремя накладывается только на конкретные структуры или индивидов, участвовавших в том или ином событии или деянии.

Упрощенным, по мнению Р. Рутмана, являлось и распространенное в кругах еврейской интеллигенции суждение об «односторонних гонениях», которым подвергались представители этого народа, жившие в СССР. Р. Рутман писал, что гонениям подвергались представители всех национальностей. Многое, по его словам, зависело от конкретных обстоятельств. Одновременно он защищал А. И. Солженицына, априори воспринимавшего «еврейский вопрос» в России как сложное явление и отвергавшего жестко заданные стереотипы. «Солженицын не вписывается ни в какую плоскую схему. Тесны ему и рамки национализма», — писал Р. Рутман[31], как бы выводя русского писателя из-под удара со стороны тех, кто не принимал его позицию по национальному вопросу.

Взгляды А. И. Солженицына встречали полное одобрение и со стороны редакции журнала «Континент», которая уважительно относилась к писателю, занявшему непримиримую антикоммунистическую позицию. Портрет А. И. Солженицына был вынесен на обложку одного из номеров как символ сопротивления тоталитаризму.

Многие авторы «Континента» также позитивно воспринимали А. И. Солженицына. Среди них были представители старшего поколения эмигрантов, сформировавшиеся еще во времена Российской империи. В частности, 75-летний А. И. Михайловский — выпускник Венского университета и сотрудник парижской газеты «Русская мысль» – поддержал идею «религиозного национализма», выраженную А. И. Солженицыным в его сборнике аналитических статей «Из-под глыб» (1974)[32]. Противоречия писателя в «еврейском вопросе» журналом попросту нивелировались, что видно и по этой статье, и по другим, увидевшим свет на страницах «Континента».

К идеям А. И. Солженицына с пониманием отнеслись не только русские по крови публицисты, но и некоторые участники ев-

рейского национально-освободительного движения, чьи голоса также звучали на страницах «Континента». В числе них был М. И. Агурский — специалист в области кибернетики, а после репатриации — профессор Еврейского университета в Иерусалиме. Он выражал поддержку «оппозиционному русскому национализму», который, по его мнению, не имел ничего общего с тогдашней национальной политикой, проводимой в СССР. Суть этого феномена, полагал М. И. Агурский, состояла в несоответствии «советского империализма» духовным интересам русского народа. В результате уровень жизни русских оказался «самым низким среди всех других народов СССР», а политика власти последовательно вела к исчезновению «русской национальной культуры»[33].

Именно на этой основе, считает А. И. Агурский, и формировалась позиция А. И. Солженицына. Вслед за Р. Рутманом М. И. Агурский отрицал принадлежность писателя к «шовинистам». По его мнению, взгляды А. И. Солженицына следовало соотносить с «теорией национального плюрализма». В соответствии с ней все человечество мыслится как «гармоническая совокупность национальных сил», где каждая «сила» имеет право на существование[34].

Общественная значимость позиции А. И. Солженицына состояла в утверждении свободы слова, не скованной какими-либо ограничениями. Активист НТС А. П. Тимофеев отмечал, что при посещении стенда издательства «Посев» на международной книжной ярмарке в Иерусалиме недавние репатрианты из СССР больше всего интересовались собранием сочинений А. И. Солженицына[35].

Движение за репатриацию в Израиль в 1970-е гг.

Тема борьбы советских евреев за право репатриации в Израиль часто звучала со страниц русскоязычной зарубежной периодики, откликавшейся на повседневные запросы дня. Но каждое издание трактовало эту тему по-своему.

Наиболее активной была позиция «Посева». Дело в том, что в 1970-е гг. руководство НТС сделало ставку на взаимодействие с оппозиционным движением в Советском Союзе, создав для этого специальную структуру — Международное общество прав человека (МОПЧ)[36]. «Посев» стал уделять данной теме еще большее внимание, посвящая ей специальные выпуски. Движение за выезд евреев из СССР воспринималось руководством НТС и «Посевом» как одно из важнейших проявлений оппозиционности. «Новый

журнал» и «Континент» – «толстые» литературно-художественные журналы – уделяли теме выезда евреев из Советского Союза меньше внимания.

Стремление к осмыслению вопроса репатриации свидетельствовало о том, какую серьезную эволюцию прошел НТС, на протяжении нескольких десятилетий исповедовавший националистически окрашенные настроения. В 1975 г. видный деятель этой организации А. Н. Артемов вынужден был признать на страницах «Посева», что в одном из ключевых документов НТС периода Второй мировой войны — «Схеме национально-трудового строя» (1942) — звучали антисемитские высказывания[37]. Тогдашняя позиция НТС была отражением настроений русских эмигрантов первой и второй волны, которые ставили в вину евреям победу большевистской революции 1917 г. В отмеченном документе евреи не были даже включены в состав российской нации и воспринимались как обособленная часть. Как признавал А. Н. Артемов, этот фактор был неотделим от истории НТС, возникшего в условиях жесткого политического противоборства. «Было бы чудом всюду выходить с чистыми ризами», — пояснял он[38].

Такие признания, сделанные в 1970-е гг., определяли и общую позицию «Посева»: его авторам приходилось идти на компромисс с участниками движения за выезд евреев из СССР. Само движение воспринималось ими как сила, способная противостоять советской политической системе. Особенно подробно «Посев» освещал подъем еврейского национального самосознания, обозначившийся после Шестидневной войны 1967 г. Авторов журнала отличал прагматизм в подходе к вопросу о выезде евреев в Израиль. Дистанцируясь от последних, но рассматривая их в существующей ситуации как союзников, публицисты «Посева» указывали: «Евреи — народ с достоинствами и недостатками, как и все другие. Не секрет, что в СССР существуют настроения против них — как на верхах (по политическим причинам), так и в низах (по бытовым причинам). Так не лучше ли не препятствовать им жить по-своему, где они хотят?» (Антисионистская... 1970: 10).

Начиная с февраля 1970 г. советская пресса повела агрессивную кампанию против Израиля и сионизма. На страницах «Посева» не раз можно было встретить сравнение этих действий с откровенно расистскими выпадами министра пропаганды нацистской Германии Й. Геббельса. Так, комментируя письмо семи литовских евреев Генеральному секретарю ООН У. Тану в 1970 г., журнал напря-

мую писал, что нацисты уничтожили еврейскую общину Литвы, а советская власть запрещала оставшимся в живых евреям вспоминать о тех событиях. При этом национальная элита еврейского народа в годы борьбы с «безродным космополитизмом», по существу, была уничтожена[39].

Сравнение советской пропаганды с нацистской звучало в журнале неоднократно. Об этом писал и активист НТС А. П. Тимофеев, апеллировавший к «советской еврейской общественности», которая участвовала в кампании за выезд в Израиль. А. П. Тимофеев полагал, что еврейский народ имеет предателей в своих рядах: «Что ж, и у нацистов, ставивших себе целью уничтожить евреев как нацию, были евреи-приспешники. Мало, единицы, но были»[40].

«Посев», обращаясь к заявлениям «еврейской общественности» в СССР, указывал, что под воздействием тогдашней политической обстановки они часто носили странный, если не сказать курьезный характер. По словам публициста М. Поповского, выступления некоторых советских представителей на организованной в феврале 1976 г. в Брюсселе пресс-конференции свидетельствовали о том, что они держали Запад «за дураков»[41]. Показателен и другой пример. Еще в марте 1970 г. в «Правде» было опубликовано вычурно пропагандистское письмо 51 украинского еврея об их нежелании уезжать в Израиль. При этом в письме отмечалось, что его авторы «гордятся Украиной, где жили такие замечательные еврейские писатели, как Перец и Бергельсон». «Посев» в своем послесловии к публикации не преминул с сарказмом отметить, что именно эти двое были расстреляны в 1952 г. в ходе кампании по борьбе с «безродным космополитизмом»! (Антисионистская... 1970: 10).

Публицисты «Посева» всегда опровергали официальные советские заявления о «счастливой жизни» евреев в СССР. На страницах журнала публиковались самиздатовские документы о дискриминации при приеме в вузы, на работу, при продвижении по службе и т. д. Редакции «Посева» было важно, чтобы подобные факты не повторились в новой, демократической России (независимо от того, когда ее существование станет возможным), где, как отмечалось, необходимо будет обеспечить «практическую возможность дальнейшего существования еврейской культуры»[42]. Верили ли в это в самой редакции «Посева» – не очень понятно, однако, судя по частоте появления в 1970-е гг. таких суждений, журнал

стремился отстаивать принципы гуманизма и уважения к «малым народам», живущим на территории СССР.

Закономерно, что «Посев» активно освещал и действия участников движения за репатриацию в Израиль. В специальном, четвертом выпуске журнала за 1970 г. были опубликованы открытые письма советских евреев И. Фридлянда, В. Пруссакова и др., заявлявших о своем стремлении уехать на Землю обетованную, несмотря ни на какие препятствия[43]. В шестом спецвыпуске «Посева» (1971) появилась информация об обысках и арестах людей, желавших репатриироваться. В 1971 г., в седьмом по счету спецвыпуске журнала, появился сборник документов «Исход», включавший в себя обращения, открытые письма евреев к международной общественности и т. д. Следующий спецвыпуск журнала был посвящен знаменитому «самолетному делу» в Ленинграде в 1970 г. и другим «делам», связанным с движением за выезд в Израиль (в частности, судебным процессам против С. Шмурака, И. Кольчинского и др.). Рижский и Кишиневский процессы 1971 г. стали темой девятого спецвыпуска «Посева».

Таким образом, «еврейскую тему» можно считать одной из ведущих на страницах «Посева» того времени. Позиция журнала определила уважительное отношение к ней со стороны всей советской оппозиции, несмотря на различия в мировоззрении.

Важно отметить, что «Посев» не только публиковал документы движения за выезд в Израиль, но и давал оценку судебным разбирательствам, организованным в отношении его участников. По мнению «Посева», этими процессами власти настойчиво стремились «запугать евреев и насадить антисемитизм». Полагая, что какую-то часть евреев запугать удалось, редакция журнала пишет: «Связи между еврейскими борцами за право выезда и русскими борцами за свободу за последнее время сильно окрепли». Здесь же высказывалось предположение о том, что сопротивление инакомыслящих будет возрастать (Посев, 1971, № 7: 6). Представляется, что журнал преувеличивал возможности этого сопротивления.

Тем не менее участникам движения за выезд все-таки удалось смягчить жесткую политику советских властей. В 1971 г. те выпустили из СССР часть евреев[44]. Теперь «Посев» ставит еще один вопрос: поможет ли теперь еврейская общественность Запада «русским» диссидентам — в качестве ответной меры? Намерения журнала были понятны: если при обращении с евреями советским властям на какое-то время пришлось надеть «лайковые перчатки»,

то остальные инакомыслящие продолжали преследоваться «с прежней суровостью»[45].

В связи с этим принятое в октябре 1971 г. решение Госдепартамента США о выдаче въездных виз только советским евреям воспринималась «Посевом» как «неоправданная дискриминация». Деятели НТС на его страницах задавались вопросом: почему это решение не касалось всех остальных граждан СССР, «находящихся под тем же тоталитарным зажимом»? «Посев» не исключал, что такая избирательность со стороны американских властей может привести лишь к усилению антисемитских настроений в СССР[46].

Положение евреев в Советском Союзе в 1970-е гг. привлекало внимание не только редакции «Посева». Как уже отмечалось, «Новый журнал» реже писал о проблеме выезда евреев из СССР. Однако именно здесь в 1975 г. появилась статья М. Агурского, посвященная данной теме. В публикации отмечалось, что на вузовских лекциях в СССР время от времени можно услышать антисемитские высказывания (например, «о неоправданном стремлении Израиля к мировому господству»). Анализируя подобные факты, М. Агурский делал вывод: «Над еврейским населением СССР нависает смертельная опасность. По всей видимости, советское руководство, запутавшись в своей авантюристической политике на Ближнем Востоке, все более вынуждено пользоваться неонацизмом для оправдания своих неудач»[47]. В этих условиях, полагал он, единственное, что могло бы спасти евреев от новой «национальной катастрофы», — это репатриация в Израиль.

Нельзя не увидеть в рассуждениях М. Агурского излишней прямолинейности: в частности, его тезис об упрочении в советской политике проявлений неонацизма и неизбежности «национальной катастрофы». Очевидно, что эмоциональная оценка берет здесь верх над выверенным осмыслением действительности. М. Агурский подчеркивал, что те, кто не понимал трагизма ситуации, способствовали усилению репрессий против еврейского народа. Призывы некоторых представителей инакомыслящей интеллигенции не уезжать из СССР, но бороться за изменение существовавшей системы М. Агурский оценивал как «безответственные»[48].

Аналогичной была позиция редакции «Нового журнала», которую можно характеризовать как оппозиционную по отношению ко всему, что происходило в Советском Союзе. В этом отношении литературно-художественный «Новый журнал» мало чем отличался от большинства эмигрантских изданий того времени.

Отражение израильской политики в русскоязычной эмигрантской прессе

Общественный резонанс вокруг движения за выезд советских евреев в Израиль, арабо-израильское противостояние и влияние энергетического кризиса на экономическое и социальное развитие стран Запада — все эти факторы способствовали повышенному вниманию русскоязычной эмигрантской прессы к проблемам развития еврейского государства. Ситуация на Ближнем Востоке регулярно исследовалась на страницах этих СМИ на протяжении всех 1970-х гг. Наиболее активно обращались к этим сюжетам «Посев» и «Континент». Что касается «Нового журнала», то он позиционировал себя, прежде всего, как русское эмигрантское издание и поэтому значительно меньше интересовался внутренними израильскими проблемами.

Признавая право евреев на репатриацию, «Посев» и «Континент» не скрывали своего беспокойства относительно условий, которые их ждут на Святой земле. По их мнению, политика Израиля не могла обеспечить какого-либо компромисса в арабо-израильских отношениях. В частности, один из авторов «Континента» С. М. Рафальский призывал руководителей страны осознать, что «если в веке деколонизации, наперекор общей тенденции эпохи, колонизация Палестины произошла и удалась, то все же нельзя бесконечно отстреливаться (хотя бы самым совершенным американским оружием) от со всех сторон напирающих арабских миллионов». А поскольку, продолжал он, эти миллионы «нельзя истребить и остатки загнать в резервации, как индейцев, надо с ними разговаривать, сговариваться, договариваться, учить и учиться жить вместе»[49].

Тема взаимоотношений с палестинцами всегда была одной из наиболее болезненных для израильского общества. По мнению С. М. Рафальского, это общество уже прошло несколько войн, но так и не обрело устойчивого понимания, как именно следует строить отношения с арабским миром. В сознании некоторых представителей еврейской политической и интеллектуальной элиты, «правой» по своему духу, уже к концу 1960-х гг. сформировалось ощущение, что мирное развитие на Ближнем Востоке вряд ли возможно. Одновременно в Израиле с самого начала заявляла о себе «левая позиция», носителями которой были многие представители вузовской интеллигенции (эта тенденция сохраняется и по сей день), полагавшие, что с арабами необходимо идти на компро-

мисс — дабы сохранить мир в самом Израиле. Все это дополняло картину израильской политической жизни в сознании русскоязычной эмиграции, живущей за пределами этой страны. Неудивительно, что статья С. М. Рафальского вызвала отклики со стороны читателей «Континента».

Многие авторы журнала не согласились с С. М. Рафальским: его мысль о том, что Палестина «колонизирована» евреями, вызвала негативную реакцию. К примеру, сотрудник Университета имени Бен-Гуриона Б. Шарир назвал такую точку зрения «арабской»[50]. Чрезвычайно критично воспринял высказывания С. М. Рафальского и недавний эмигрант, а в прошлом бывший руководитель одного из НИИ Академии наук Армянской ССР Э. Оганесян. Называя себя «армянским националистом», он заявлял, что воодушевлен примером «прекрасных израильтян», которые «вымучили свою родину и теперь героически защищают ее». По словам Э. Оганесяна, еврейский народ собран «на клочке земли» и «буквально творит чудеса». Поэтому армянские националисты схожи с сионистами — в отстаивании своего права на землю, где они проживали испокон веков. Еврейское государство для них не что иное, как «настольная книга», — с точки зрения налаживания системы общественного и межличностного существования[51].

Израильская внутренняя и внешняя политика регулярно привлекала внимание и публицистов «Посева». Хотя НТС изначально был русской национал-патриотической организацией[52], после Второй мировой войны он эволюционировал в сторону либерального консерватизма. Риторика его лидеров стала ближе к идеологическим установкам христианско-демократических организаций Западной Европы, сочетая в себе антикоммунизм с приверженностью к общедемократическим принципам. По мнению деятелей НТС, именно Израиль можно считать форпостом, сдерживающим рост арабского национализма. Пожалуй, наиболее точно охарактеризовал эту ситуацию А. П. Тимофеев – представитель НТС в Средиземноморском регионе. Хорошо зная ситуацию в этом регионе, он назвал Израиль «нормальным государством в ненормальной обстановке»[53]. Его симпатии были не на стороне ортодоксальных иудеев — «религиозных фанатиков», которые «диктовали всему населению свою волю». Такими для А. П. Тимофеева были те, кто «ходил в широкополых шляпах, черных лапсердаках» и «носил пейсы». Им он противопоставлял представителей светского еврейства, которые являлись для него интеллектуальной частью израильского общества.

Думается, в данном случае А. П. Тимофеев спрямлял ситуацию. Далеко не всех ортодоксальных иудеев можно было тогда называть «религиозными фанатиками». Многие из них успешно работали (и продолжают работать в наши дни) на благо еврейского государства. Интеллектуальная часть израильского общества оставалась тесно связанной с иудаизмом. Вот почему не совсем убедительным выглядело и другое суждение А. П. Тимофеева — о наличии неразрешимых противоречий между тогдашними израильскими интеллектуалами и репатриантами из СССР, которые в большинстве своем были атеистами. Многие репатрианты приезжали на Землю обетованную для лучшего понимания духовного стержня, соединявшего их с этой землей. Именно религия всегда служила в Израиле своеобразным этическим и эстетическим мостиком, помогавшим людям лучше понять и окружающий мир, и себя на фоне всех существующих социально-политических противоречий жизни. И поэтому многие из новых репатриантов становились на Святой земле верующими людьми.

Внутренние противоречия израильского общества, впрочем, отступали на второй план перед внешними угрозами. По мнению А. П. Тимофеева, именно психология «осажденной крепости» определяла настроения большей части населения и накладывала отпечаток на всю политику еврейского государства. А. П. Тимофеев писал об «атмосфере страха», царящей в Израиле: «Разве удивительно, что евреи боятся? Они боятся быть уничтоженными, и у них есть причины для этой боязни»[54]. Главная причина неослабевающего беспокойства евреев, отмечал автор «Посева», заключалась в непрекращающейся конфронтации с арабами. В сознании евреев оставалась и историческая память о Холокосте. Именно этим обстоятельством, по мнению А. П. Тимофеева, определялась осторожная политика, проводимая официальным Израилем в отношении СССР. Кроме того, руководству Израиля приходилось все время думать и о судьбе еврейского населения в СССР: «Нельзя <...> ухудшить его положение», — отмечалось в одной из публикаций[55].

Разрыв советско-израильских дипломатических отношений после начала Шестидневной войны 1967 г. стал для советских евреев серьезным психологическим ударом. Через год после этих событий тот же А. П. Тимофеев взял интервью у одного из тогдашних руководителей израильского МИДа, подчеркнувшего, что произошел разрыв всех формальных связей между евреями в Из-

раиле и в СССР. «Раньше была, по крайней мере, визуальная связь с посольством. Его видели в Москве, хотя и не ходили туда, боялись»[56]. После Шестидневной войны советские евреи на многие годы лишились такой возможности, равно как и возможности переписки с родными, проживавшими в Израиле. Вместе с тем, как отмечали авторы «Посева», Шестидневная война способствовала консолидации израильского общества и привела к расколу коммунистического движения в Израиле[57].

В сентябре 1970 г. «Посев» откликнулся на смерть президента Египта Гамаля Абделя Насера – значимой политической фигуры на Ближнем Востоке, отметив, что после его ухода остались два ключевых геополитических фактора — Израиль и «советское присутствие»[58]. Пришедший к власти А. Садат начал нормализацию отношений между Египтом и США. Это вызвало серьезную обеспокоенность «Посева», полагавшего, что следующим шагом может стать ослабление позиций антикоммунистического сопротивления на Ближнем Востоке. Почву для такого вывода, по мнению журнала, давало сохранявшееся стремление Советского Союза вооружать противников Израиля и, в частности, Сирию[59].

Именно СССР, по мнению «Посева», стимулировал деятельность арабских террористических организаций: только в 1970 г. было уничтожено четыре пассажирских самолета. Это вызвало возмущение со стороны публицистов «Посева», подчеркивавших: «Люди, называющие себя партизанами, оказались террористами и пиратами. Страшный удар наносят они делу свободы вообще». В связи с этим орган НТС поставил на обсуждение проблему, на долгие годы сохранившую свою актуальность: «Сумеет ли человечество провести грань между подлинной борьбой за свободу и шантажом во имя свободы?»[60].

Заключение

Российская диаспора за рубежом сумела сохранить себя как своеобразный феномен, унаследовав ценностные ориентиры многовековой российской духовной культуры. Это отчетливо видишь в текстах самых разных представителей русскоязычной эмиграции. В них содержится не просто констатация фактов, но проблемное их осмысление, прослеживается неравнодушие в постановке тех или иных вопросов. «Мы не в изгнании, мы — в послании», — повторял вслед за Дмитрием Мережковским в пер-

вой половине XX в. другой эмигрантский писатель и публицист Роман Гуль. Он добавлял, что одной из ключевых задач отечественной эмиграции с самого начала было сохранение отечественной культуры в условиях переплетения с культурой новой. В следовании этому принципу советские эмигранты и видели «свое послание потомкам»[61].

Русскоязычные СМИ за рубежом во многом стали проводниками этого «послания», с его ярко выраженной социальной проблематикой и стремлением к обсуждению наиболее насущных вопросов дня. Общественно-политическая и литературно-художественная периодика отличалась яркой заинтересованностью в познании окружающего мира, выраженно эмоциональным восприятием событий, всесторонней аналитической оценкой как советской, так и зарубежной реальности.

«Еврейская тема» стала составляющей этой реальности, что определялось реалиями политической ситуации семидесятых годов – возросшим числом эмигрантов и репатриантов из СССР.

Исследованные нами «Новый журнал», «Посев» и «Континент» обращались к этой теме многократно, освещая ее с различных ракурсов: историческое развитие, насущные проблемы, оценочные мнения в отношении фигур, определявших развитие процесса. Не все изложенные на страницах журналов мнения можно считать взвешенными. Многие отличались односторонностью и поспешностью выводов. Подавляющему большинству высказываний был присущ ярко выраженный антисоветизм, что определялось отрицанием самой политической системы, против которой журналы выступали. Отсюда и пренебрежение к любому позитивному началу в советской жизни. Каждый журнал был склонен к «детерминистским тезисам с их решительно выраженными «западническим» и «антиславянофильским» акцентами...» (Хеймсон, 1995: 127–129).

Вместе с тем содержательные подходы, демонстрируемые всеми тремя журналами, дают отчетливое представление о «лице» тогдашней русскоязычной периодики, которая стремилась активно участвовать в обсуждении различных аспектов «еврейской темы». Несмотря на то что с того времени прошло почти полвека, рассмотрение содержательных приоритетов отмеченных изданий позволяет лучше представить идейные ценности в рамках общей эволюции эмигрантских СМИ. Политические и духовно-эстетические позиции анализируемых журналов позволяют судить об уровне целостного восприятия социально-политической реально-

сти, что вносит вклад в копилку общего познания русскоязычного мира и его СМИ.

Это важно именно сегодня, когда исследователи не только стремятся выявить исторические закономерности развития отмеченных процессов, но и ответить себе, какова перспектива развития этих СМИ. Есть ли вероятность развития традиций, накопленных за время существования за рубежом русскоязычных журналов, рассчитанных на образованных читателей? Сохранится ли типология журнальной периодики с высоким уровнем публицистики? Будет ли по-прежнему актуальной авторская журналистика или под воздействием современных медиатехнологий она рано или поздно утратит смысл? В сегодняшних условиях глобализации информационного пространства постановка этих вопросов приобретает приоритетное значение.

Примечания

[1] Цифру в три миллиона озвучивал писатель И. А. Бунин в речи «Миссия русской эмиграции», произнесенной в Париже в феврале 1924 г. (*Бунин И. А.* Миссия русской эмиграции: Речь, произнесенная в Париже 16 февр. 1924 г. // *Бунин И. А.* Окаянные дни. Тула: Приокское кн. изд-во, 1992. С. 300). Об этом же числе эмигрантов постреволюционной волны говорил и московский исследователь Б. Ланин (Lanin, 2001: 184).

[2] Несмотря на то что слова *эмиграция* и *репатриация* имеют в своей основе общий смысл (отъезд из одной страны, в данном случае из СССР, в другую), содержание этих понятий разнится. Если эмиграция предполагает просто переезд в новую страну, то еврейская репатриация в переводе на иврит звучит как алия, что означает «восхождение». В данном случае имеется в виду возвращение евреев именно в Палестину, откуда, собственно, и пошла история этого народа после исхода из египетского рабства. Таким образом, алия изначально символизирует для этих людей не просто перемену места проживания, но их приверженность к духовным корням.

[3] *Скарлыгина Е. Ю.* В зеркале трех эмиграций: самоидентификация как проблема эмигрантского сознания // НЛО. 2008. № 93. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/sk21.html (дата обращения 14.07.2018).

[4] *Латынина А.* Когда поднялся железный занавес... // Литературная газета. 1991. 24 июля. № 29. С. 9.

[5] *Тольц М.* Постсоветские евреи в современном мире. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0303/tema01.php (дата обращения: 14.07.2017).

[6] *Вайль П., Генис А.* Потерянный рай. Эмиграция: попытка автопортрета. Москва-Иерусалим. 1983; *Глэд Д.* Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М.: Изд-во «Книжная палата», 1991; *Кестлер А.* Иуда на перепутьи // Время и мы. Тель-Авив. 1978. № 33. С. 97–130.

[7] *Гуль Р. Б.* «Новому журналу» 45 лет // Новый журнал. 1986. № 4, кн. 162; *Гуль Р. Б.* Я унес Россию. Т. 3. Россия в Америке. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001.

[8] *Максимов В. Е.* Писатель, диссидент, эмигрант, патриот [Беседа с писателем / записали Е. М. Максимов и др.] // Международная жизнь. 1992. № 1. С. 150–158; *Максимов В. Е.* Я без России — ничто [Беседа с писателем / записал В. Морозов] // Наш современник. 1993. № 11. С. 161–169.

[9] *Довлатов С. Д.* Марш одиноких. Holyoke (Mass.): New England Publishing Co, 1983.

[10] *Гуль Р. Б.* «Новому журналу» 45 лет // Новый журнал. 1986. № 4, кн. 162. С. 22.

[11] *Карпович М. М.* Русский империализм или коммунистическая агрессия? // Новый журнал. 1951. № 25. С. 262.

[12] *Градобоев Н.* Состав Верховного Совета СССР // Новый журнал. 1952. № 30. С. 256.

[13] *Вишняк М. В.* Об общественном мнении в СССР // Новый журнал. 1955. № 42. С. 233.

[14] *Гуль Р. Б.* «Новому журналу» 45 лет // Новый журнал. 1986. № 4, кн. 162. С. 31.

[15] *Гуль Р. Б.* Я унес Россию. Т. 3. Россия в Америке. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001. С. 181.

[16] См.: Программа НТС 1950 г. Режим доступа: http: //ntsrs.ru/content/programma-nts-1950 (дата обращения: 14.07.2018).

[17] *Войтовецкий И.* Забудем старые счеты! // Посев. 1976. № 9. С. 58.

[18] См.: Осипов Владимир Николаевич. Режим доступа: http: ruskline.ru/author/o/osipov_vladimir_nikolaevich (дата обращения: 14.07.2018).

[19] *Найденович А.* Отбросим национальное высокомерие! // Посев. 1976. № 9. С. 54.

[20] Там же. С. 55.

[21] *Гуль Р. Б.* Я унес Россию. Т. 3. Россия в Америке. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001. С. 285.

[22] *Мейман Н.* Монумент у Бабьего Яра // Континент. 1978. № 15. С. 182.

[23] *Рафальский С. М.* Болезнь века // Континент. 1977. № 11. С. 191.

[24] Особенно примечательна в этом отношении позиция Л. Д. Троцкого, который неоднократно отделял себя от еврейства и его морально-этических принципов. Так, на II съезде РСДРП (1903) Троцкий открыто выступал против Бунда, считавшего себя единственным представителем интересов еврейского рабочего класса. Он утверждал, что, несмотря на свою оппозицию сионизму, Бунд усвоил националистический характер этого явления. В своей статье «Разложение сионизма и его возможные преемники», опубликованной в пролетарской газете «Искра» в январе 1904 г., Троцкий назвал основателя сионистского движения Теодора Герцля «бесстыдным авантюристом» и предсказывал исчезновение этой идеи с исторической сцены. По существу, порвали со своим национальным прошлым и другие руководители советской России — Я. М. Свердлов и Л. М. Каганович. Во всяком случае, в своих публичных выступлениях и газетных статьях они никогда не упоминали об «еврейском вопросе». Он для них попросту не существовал.

[25] *Шарир Б.* Письмо в редакцию // Континент. 1977. № 13. С. 313.

[26] *Михальчук В.* Сила наших дней // Континент. 1978. № 15. С. 197.

[27] *Терляцкас А.* Еще раз о евреях и литовцах // Континент. 1979. № 21. С. 216.

[28] *Солженицын А. И.* Наши плюралисты // На возврате дыхания: сб. М.: Вагриус, 2004. С. 286–320.

[29] *Гуль Р. Б.* Я унес Россию. Т. 3. Россия в Америке. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001. С. 268.

[30] *Антонюк Е.* Отшельник. Почему Солженицына ненавидели и коммунисты, и либералы. 10.12.2017. *Life#История*, Режим доступа: https://life.ru/t/история/1068800/otshielnik_pochiemu_solzhienitsyna_nienavidieli_i_kommunisty_i_libieraly (дата обращения: 08.10.2018).

[31] *Рутман Р.* Кольцо обид (еврейский вопрос и А. Солженицын) // Новый журнал. 1974. Кн. 117. С. 195.

[32] *Михайловский А. И.* «Национализм» и «интернационализм» // Континент. 1975. № 5. С. 139.

[33] *Агурский М. И.* Национальный вопрос в СССР // Континент. 1976. № 10. С. 164–165.

[34] Там же. С. 171.

[35] *Тимофеев А. П.* Международная книжная ярмарка // Посев. 1971. № 5. С. 26.

[36] См.: Международное общество прав человека. Режим доступа: http://old.prison.org/help/ngo/doc004.htm (дата обращения: 14.07.2018).

[37] См.: Схема национально-трудового строя 1942 г. Режим доступа: http://ntsrs.ru/content/shema-nacionalno-trudovogo-stroya-1942 (дата обращения: 14.07.2018).

[38] *Артемов А. Н.* «Схема» НТС и еврейский вопрос // Посев. 1975. № 6. С. 43.

[39] Прошения евреев о выезде в Израиль [Редакционная статья] // Посев. 1970. № 7. С. 11.

[40] *Тимофеев А. П.* Нормальное государство в ненормальной обстановке // Посев. 1968. № 2.

[41] *Поповский М.* Выступают контрсионисты // Посев. 1976. № 4. С. 20.

[42] Еврейский вопрос в СССР [Редакционная статья] // Посев. 1970. № 12. С. 57.

[43] Письма советских евреев [Редакционная статья] // Посев. 1970. № 4. С. 12.

[44] Политика, опрокинутая на синагоги [Редакционная статья] // Посев. 1971. № 5. С. 62.

[45] Очередь за еврейской общественностью [Редакционная статья] // Посев. 1971. № 4. С. 5.

[46] За право выезда для всех [Редакционная статья] // Посев. 1971. № 12. С. 5.

[47] *Агурский М. И.* Неонацистская опасность в Советском Союзе // Новый журнал. Нью-Йорк, 1975. Кн. 118. С. 204.

[48] Там же.

[49] *Рафальский С. М.* Болезнь века // Континент. 1977. № 11. С. 192.

[50] *Шарир Б.* Письмо в редакцию // Континент. 1977. № 13. С. 313.

[51] *Оганесян Э.* Я – националист! // Континент. 1977. № 13. С. 239.

[52] Американский историк и политолог У. Лакер даже уделил НТС специальный раздел в своей монографии, посвященной русскому фашизму (См. список литературы).

[53] *Тимофеев А. П.* Нормальное государство в ненормальной обстановке // Посев. 1968. № 2. С. 34.

[54] Там же.

[55] Там же.

[56] Щепетильный вопрос (интервью А. Тимофеева с заместителем начальника Восточного отдела МИД Израиля Кармилем) // Посев. 1968. № 2. С. 34.

[57] *Раймист М.* Коммунизм в Израиле // Посев. 1971. № 9. С. 20.

[58] На смерть Насера [Редакционная статья] // Посев. 1970. № 10. С. 26.

[59] *Раймист М.* Атом и политическое «равновесие» // Посев. 1974. № 8. С. 22.

[60] Шантаж во имя свободы [Редакционная статья] // Посев. 1970. № 9. С. 20.

[61] Беседа Р. Гуля с литературным критиком Дж. Глэдом. Режим доступа: http://video.yandex.ru/search.xml?text=ГульРоман&where=all&id=86849306-00 (дата обращения: 18.02.2012).

Библиография

Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.): дис. ... докт. ист. наук. СПб, 2005.

Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). СПб: Изд-во С.-Петербургск. гос. ун-та культуры и искусств, 2008.

Берелович А. Эмиграция «третьей волны» и ее роль во Франции // Документальное наследие по истории русской культуры в отечественных архивах и за рубежом: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 29–30 октября 2003 г.). М., 2005.

Волковский Н. Л. Отечественная журналистика. 1950–2000: учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. *М. А. Шишкиной*. СПб: Изд-во СПбГУ, 2006.

Демидова О. Р. Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского зарубежья. СПб: Гиперион, 2003.

Денисенко А. В. Журнал «Синтаксис» в контексте журналистики русского зарубежья. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010.

Жирков Г. В. Журналистика двух России: 1917–1920: учеб. пособ. СПб: Изд-во С.-Петербургск. ун-та, 1999.

Жулькова К. А. Литературная критика парижского журнала «Современные записки», 1920–1940 гг.: Проблемы литературно-критического процесса: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.

Зубарева Е. Ю. Проза русского зарубежья (1970–1980-е гг.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.

Исаев Е. Г. Журнал «Русская мысль» (1921–1927): о прошлом, настоящем и будущем России: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Костырченко Г. В. Политика советского руководства в отношении еврейской эмиграции после XX съезда КПСС (1956–1991) // Еврейская эмиграция из России. 1881–2005. М.: РОССПЭН, 2008. С. 202–219.

Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М.: ИД «Текст», 1994.

Лебедева С. Э. Основные направления литературной полемики русского зарубежья первой волны и их отражение в журнале «Современные записки»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

Лысенко А. В. Эволюция русскоязычной прессы Берлина: от противостояния к культурно-политическому диалогу с Советской Россией, 1919–1922. М: Изд-во Моск. ун-та, 2000.

Морозов Б. Еврейская эмиграция из СССР как фактор международных отношений // «Русское» лицо Израиля: Черты социального портрета. Иерусалим – Москва: Гешарим; Мосты культуры, 2007.

Николюкин А. Н. «Не в изгнании, а в послании». Миссия литературы // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940: в 2 кн. Кн. 2. М.: Наследие, 1994.

Овсепян Р. П. В лабиринтах истории отечественной журналистики. М.: Изд-во «РИП-холдинг», 2000.

Попова Т. В. Российская эмиграция в диссертационных исследованиях (2000–2009 гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010 / под ред. *Н. Ф. Гриценко*. М., 2010.

Раев М. И. Периодическая печать эмиграции 1920–1930 годов // Новый журнал. 2003. № 232.

«Русское» лицо Израиля: Черты социального портрета / сост. и ред. *М. Кенигштейн*. Иерусалим–Москва: Гешарим; Мосты культуры, 2007.

Скарлыгина Е. Ю. Газета «Русская мысль» и третья русская эмиграция // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2008. № 1.

Скарлыгина Е. Ю. Журналистика русской эмиграции 1960–1980-е годы: учеб. пособие. М.: Фак. журн. МГУ, 2010.

Скарлыгина Е. Ю. Русский «толстый» журнал в эмиграции: «Континент» В. Максимова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2004. № 4.

Суомела Ю. Зарубежная Россия: Идейно-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. / пер. с фин. *Л. В. Суни*. СПб: КОЛО, 2004.

Фридгут Т. Влияние иммигрантов из СССР // СНГ на израильскую идентичность // «Русское» лицо Израиля: Черты социального портрета. Иерусалим–Москва: Гешарим; Мосты культуры, 2007.

Харина Н. А. Эмигрантская журналистика в формировании политического и социального пространства русского зарубежья: Берлин, 1921–1923 гг.: дис. ... канд. филол. наук. СПб, 1999.

Хрусталева Н. С. Психология эмиграции: дис. ... докт. психол. наук. СПб, 1996.

Хеймсон Л. Меньшевизм и эволюция российской интеллигенции // Россия XXI. М., 1995. № 5–6.

Энгель В. В. Социально-психологические аспекты еврейской эмиграции из СССР // СНГ последней трети XX – начала XXI вв. (на примере Израиля, США и Германии) // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России. 1941–2001. М.: Институт российской истории РАН, 2007.

Gitelman Z., Glants M., Goldman M. (eds.) (2003) *Jewish Emigration: Trails, Achievements, Doubts and Dilemmas; Jewish Life after the USSR*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press.

Glad J. (1999) *Russia Abroad: Writes, History, Politics*. Washington D.C.: Birchbark press.

Hardeman H. (1994) *Coming to Terms with the Soviet Regime: the «Changing Signposts» Movement among Russian Émigrés in the Early 1920s*. DeKalb: Northern Illinois University Press.

Lanin B. (2001) Experiment and Emigration: Russian Literature, 1917–1953. In N. Cornwell (ed.) *Russian Literature*. London, New York: Routledge, 2001. Pp. 184–196.

Rimscha H. (1924) *Von Der russische Burgerkrieg und die russische Emigration, 1917–1921*. Jena: Frommannsche Buchhandlung (Walter Biedermann).

Salitan L. R. (1992) *Politics and Nationality in Contemporary Soviet-Jewish Emigration*. 1968–1989. London: St. Martin`s Press.

Zaslavsky V., Brym R. (1983) *Soviet Jewish Emigration and Soviet Nationality Policy*. New York: The Macmillan Press.

Notes

Bunin I. A. (1992) Missiya russkoy emigratsii: rech', proiznesennaya v Parizhe 16 fevr. 1924 g. [The Mission of Russian Emigration: the Speech Made

in Paris on February 16, 1924]. In Bunin I. A. *Okayannyye dni* [The Cursed Days]. Tula: Priokskoye Publ.

Dovlatov S. D. (1983) *Marsh odinokikh* [March of the Lonely]. Holyoke (Mass.): New England Publishing Co

Glad D. (1991) *Besedy v izgnanii. Russkoye literaturnoye zarubezh'ye [*Conversations in Exile. Russian Writers Abroad]. Moscow: Knizhnaya palata Publ.

Gul' R. B. (2001) *Ya unes Rossiyu. T. 3. Rossiya v Amerike* [I Took Russia Away. Vol. 3. Russia in America]. Moscow: B.S.G.-Press

Kestler A. (1978) Iuda na pereput'i [Judas at the Crossroads]. *Vremya i my* 33: 97–130. Tel-Aviv.

Solzhenitsyn A. I. (2004) Nashi plyuralisty [Our Pluralists]. In *Na vozvrate dykhaniya. Sbornik* [On the Return of Breath. A collection]. Moscow: Vagrius Publ. Pp. 286–320.

Vayl' P., Genis A. (1983) *Poteryannyy ray. Emigratsiya: popytka avtoportreta* [Paradise Lost. Emigration: an Attempt at a Self-Portrait]. Moskva-Ierusalim

Kontinent

Literaturnaya gazeta

Nash sovremennik

Novyy zhurnal

Mezhdunarodnaya zhizn'

Posev

URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/sk21.html

URL: http: //ntsrs.ru/content/programma-nts-1950

URL: http://ntsrs.ru/content/shema-nacionalno-trudovogo-stroya-1942

URL: http://old.prison.org/help/ngo/doc004.htm

URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0303/tema01.php

URL: https://life.ru/t/история/1068800/otshielnik_pochiemu_solzhienitsyna_nienavidieli_i_kommunisty_i_libieraly

URL: http: ruskline.ru/author/o/osipov_vladimir_nikolaevich

References

Bazanov P. N. (2005) *Izdatel'skaya deyatel'nost' politicheskikh organizatsiy russkoy emigratsii (1917–1988 gg.): dis. ... dokt. ist. nauk* [Publishing Activities of Political Organizations of Russian Emigration (1917–1988). Dr. hist. sci. diss.] Saint Petersburg. (In Russian)

Bazanov P. N. (2008) *Izdatel'skaya deyatel'nost' politicheskikh organizatsiy russkoy emigratsii (1917–1988)* [Publishing Activities of Political Organizations of Russian Emigration (1917–1988)]. SPb: Sankt-Peterburgsky gos. un-t kul'tury i iskusstv Publ. (In Russian)

Berelovich A. (2005) Emigratsiya "tret'yey volny" i eye rol' vo Frantsii [Third Wave Emigration and its Role in France]. In *Dokumental'noye naslediye po istorii russkoy kul'tury v otechestvennykh arkhivakh i za rubezhom: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 29–30 oktyabrya 2003 g.)* [Documentary Heritage in the History of Russian Culture in Russian

Archives and Abroad: Proceedings of the International Research-to-Practice Conference (Moscow, October 29–30, 2003]. Moscow. (In Russian)

Demidova O. R. (2003) *Metamorfozy v izgnanii: literaturnyy byt russkogo zarubezh'ya* [Metamorphoses in Exile: Literary Life of Russia Abroad]. SPb: Giperion Publ. (In Russian)

Denisenko A. V. (2010) *Zhurnal «Sintaksis» v kontekste zhurnalistiki russkogo zarubezh'ya* [The Sintaksis Journal in the Context of Journalism of Russia Abroad]. Moscow: MSU Publ. (In Russian)

Engel' V. V. (2007) Sotsial'no-psikhologicheskiye aspekty evreyskoy emigratsii iz SSSR / SNG posledney treti XX – nachala XXI vv. (na primere Izrailya, SSHA i Germanii) [Social and Psychological Aspects of Jewish Emigration from the USSR / CIS in the Last Third of the 20th – Early 21st Century (case studies of Israel, the USA and Germany)]. In *Istoriya rossiyskogo zarubezh'ya. Emigratsiya iz SSSR – Rossii. 1941–2001* [History of Russia Abroad. Emigration from the USSR – Russia. 1941–2001]. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN. (In Russian)

Fridgut T. (2007) Vliyaniye immigrantov iz SSSR / SNG na izrail'skuyu identichnost' [The Influence of Immigrants from the USSR / CIS on Israeli Identity]. In *«Russkoye» litso Izrailya: cherty sotsial'nogo portreta* [The "Russian" Face of Israel: the Features of Social Profile]. Ierusalim – Moskva: Gesharim; Mosty kul'tury. (In Russian)

Gitelman Z., Glants M., Goldman M. (eds.) (2003) *Jewish Emigration: Trails, Achievements, Doubts and Dilemmas; Jewish Life after the USSR.* Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press.

Glad J. (1999) *Russia Abroad: Writers, History, Politics.* Washington D.C.: Birchbark press.

Hardeman H. (1994) *Coming to Terms with the Soviet Regime: the «Changing Signposts» Movement among Russian Émigrés in the Early 1920s.* DeKalb: Northern Illinois University Press.

Isayev E.G. (2005) *Zhurnal «Russkaya mysl'» (1921–1927): o proshlom, nastoyashchem i budushchem Rossii: dis. ... kand. filol. nauk* [The Russkaya Mysl Journal (1921–1927): About the Past, Present and Future of Russia. PhD philol. sci. diss.] Moscow (In Russian)

Kenigshteyn M. (ed.) (2007) *«Russkoye» litso Izrailya: Cherty sotsial'nogo portreta.* [The "Russian" Face of Israel: the Features of Social Profile]. Ierusalim – Moskva: Gesharim; Mosty kul'tury. (In Russian)

Kharina N. A. (1999) *Emigrantskaya zhurnalistika v formirovanii politicheskogo i sotsial'nogo prostranstva russkogo zarubezh'ya: Berlin, 1921–1923 gg.: dis. ... kand. fil. nauk* [Emigrant Journalism in Shaping the Political and Social Environment of Russia Abroad: Berlin, 1921–1923. PhD philol. sci. diss.] Saint Petersburg. (In Russian)

Kheymson L. (1995) Men'shevizm i evolyutsiya rossiyskoy intelligentsii [Menshevism and the Evolution of Russian Intelligentsia]. *Rossiya XXI. Moskva 5–6.* (In Russian)

Khrustaleva N. S. (1996) *Psikhologiya emigratsii: dis. ... d-ra psikhol. nauk.* [Psychology of Emigration. Dr. psychol. sci. diss.] Saint Petersburg (In Russian)

Kostyrchenko G. V. (2008) Politika sovetskogo rukovodstva v otnoshenii evreyskoy emigratsii posle XX s'yezda KPSS (1956–1991) [The Policy of Soviet Authorities Towards Jewish Emigration After the 20th Congress of the CPSU (1956–1991)]. In *Evreyskaya emigratsiya iz Rossii. 1881–2005* [Jewish Emigration from Russia. 1881–2005]. Moscow: ROSSPEN Publ. Pp. 202–219. (In Russian)

Laker U. (1994) *Chernaya sotnya. Proiskhozhdeniye russkogo fashizma* [The Black Hundred. The Origin of Russian Fascism]. Moscow: Tekst Publ. (In Russian)

Lanin B. (2001) Experiment and Emigration: Russian Literature, 1917–1953. In N. Cornwell (ed.) *Russian Literature*. London, New York: Routledge, 2001. Pp. 184–196

Lebedeva S. E. (2007) *Osnovnyye napravleniya literaturnoy polemiki russkogo zarubezh'ya pervoy volny i ikh otrazheniye v zhurnale «Sovremennyye zapiski»: dis. ... kand. filol. nauk* [Major Trends in Literary Polemics of First Wave Russian Emigration and Their Reflection in the Sovremennye Zapiski Journal. PhD philol. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Lysenko A. V. (2000) *Evolyutsiya russkoyazychnoy pressy Berlina: ot protivostoyaniya k kul'turno-politicheskomu dialogu s Sovetskoy Rossiyey, 1919–1922* [Evolution of the Russian-Language Press in Berlin: From Confrontation to Cultural and Political Dialogue With Soviet Russia. 1919–1922]. Moscow: MSU Publ. (In Russian)

Morozov B. (2007) Evreyskaya emigratsiya iz SSSR kak faktor mezhdunarodnykh otnosheniy [Jewish Emigration from the USSR as a Factor of International Relations]. In «*Russkoye» litso Izrailya: Cherty sotsial'nogo portreta* [The "Russian" Face of Israel: the Features of Social Profile]. Ierusalim – Moskva: Gesharim; Mosty kul'tury. (In Russian)

Nikolyukin A. N. (1994) «Ne v izgnanii, a v poslanii»: missiya literatury ["Not in Exile but in Messaging": the Mission of Literature]. In *Kul'turnoye naslediye rossiyskoy emigratsii. 1917–1940: v 2 kn. Kn. 2* [Cultural Heritage of Russian Emigration. 1917–1940: in 2 books. Book 2]. Moscow: Naslediye Publ. (In Russian)

Ovsepyan R. P. (2000) *V labirintakh istorii otechestvennoy zhurnalistiki* [In the Labyrinths of History of Russian Journalism] Moscow: RIP-kholding Publ. (In Russian)

Popova T. V. (2010) Rossiyskaya emigratsiya v dissertatsionnykh issledovaniyakh (2000–2009 gg.) [Russian Emigration in Thesis Research (2000–2009)]. In N. F. Gritsenko (ed.). *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna* [Yearbook of Alexander Solzhenytsyn House of Russia Abroad]. Moscow. (In Russian)

Volkovskiy N. L. (2006) *Otechestvennaya zhurnalistika. 1950–2000. Ucheb. posobiye v 2 ch. Ch. 1* [Russian Journalism. 1950–2000. Study guide in 2 parts. Part 1]. SPb: SPbGU Publ. (In Russian)

Rayev M. I. (2003) Periodicheskaya pechat' emigratsii 1920–1930 godov [The Periodical Press of Emigration in the 1920s–1930s]. *Novyy zhurnal* 232. (In Russian)

Rimscha H. (1924) *Von Der russische Burgerkrieg und die russische Emigration, 1917–1921.* Jena: Frommannsche Buchhandlung (Walter Biedermann). (In German)

Salitan L. R. (1992) *Politics and Nationality in Contemporary Soviet-Jewish Emigration*. 1968–1989. London: St. Martin`s Press.

Skarlygina E. Yu. (2008) Gazeta «Russkaya mysl'» i tret'ya russkaya emigratsiya [The Russkaya Mysl Newspaper and the Third Russian Emigration]. *Vestnik MGU. Ser. 10. Zhurnalistika 1.* (In Russian)

Skarlygina E. Yu. (2004) Russkiy «tolstyy» zhurnal v emigratsii: «Kontinent» V. Maksimova [The Russian "Thick" Journal in Emigration: Continent Published by V. Maksimov] *Vestnik MGU. Ser. 10. Zhurnalistika 4.* (In Russian)

Skarlygina E. Yu. (2010) *Zhurnalistika russkoy emigratsii: 1960–1980-e gody* (ucheb. posobiye) [Journalism of Russian Emigration: the 1960s–1980s (study guide)]. Moscow: MSU Publ. (In Russian)

Suomela Yu. (2004) *Zarubezhnaya Rossiya: ideyno-politicheskiye vzglyady russkoy emigratsii na stranitsakh russkoy evropeyskoy pressy v 1918–1940 gg.* [Russia Abroad: Political Views of Russian Emigration in the Russian European Press in 1918–1940]. SPb: KOLO Publ. (In Russian)

Zaslavsky V., Brym R. (1983) *Soviet Jewish Emigration and Soviet Nationality Policy.* New York: The Macmillan Press.

Zhirkov G. V. (1999) *Zhurnalistika dvukh Rossiy: 1917–1920: ucheb. posob* [Journalism of Two Russias: 1917–1920. Study guide] SPb: SSPbGU Publ. (In Russian)

Zhul'kova K.A. (2001) *Literaturnaya kritika parizhskogo zhurnala «Sovremennyye zapiski», 1920–1940 gg.: problemy literaturno-kriticheskogo protsessa: dis. ... kand. fil. nauk* [Literary Criticism of the Paris Journal Sovremennye Zapiski, 1920–1940: the Problems of the Literary-Critical Process. PhD philol. sci. diss.]. Moscow. (In Russian)

Zubareva E.Yu. (2000) *Proza russkogo zarubezh'ya (1970–1980-e gg.)* [The Prose of Russia Abroad (the 1970s–1980s)]. Moscow: MSU Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
16.07.2018